

В. А. Маслова
г. Витебск

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК ПУТЬ ОПИСАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Язык настолько сложен и многогранен, что практически неисчерпаем в выборе различных подходов в его описании и характеристике. Конец XX–начало XXI в. породили целый ряд новых способов и путей описания языка – от дискурсивного подхода, когнитивного, концептуального, фреймового,

ценностного и других – к описанию языка через коды. Все они, исследуя язык в разных его преломлениях, частично пересекаются, накладываются друг на друга.

Обратимся к одному из таких способов – **коду**. Понятие кода пришло в науку из техники связи, математики, биологии, позднее этот термин нашел применение в теории информации, информатике, в лингвистику он проник из семиотики. Такой интерес к кодам объясним их универсальностью: специалистами-генетиками, молекулярными биологами, семиотиками было замечено структурное сходство генетического кода и языка. Существуют даже работы генетика Р. О. Солганика о единстве музыкального, генетического и языкового кода, результатом исследования которого стала *музыка гена*, положенная на ноты. Такая универсальность может быть объяснима универсальной идеей Творца, которая все чаще находит подтверждение в достижениях разных наук на рубеже тысячелетий. Вероятно, наш организм на бессознательном уровне владеет информацией о строении своего генетического кода и соотносит его с миром и языком.

Под кодом понимается совокупность знаков и определенных правил, при помощи которых можно передавать, обрабатывать и хранить информацию. Простейшими кодами являются цифровые коды, телеграфные, сигнальные.

Традиционно (от Р. О. Якобсона) код – это язык. Все языки в семиотике можно назвать кодами. Посмотрим внимательнее на код искусства. Он есть сложное переплетение знаков, принадлежащих различным художественным языкам: языку изобразительного искусства, языку танца, языку музыки, языку поэзии, языку кино, телеязыку и др. Все коды искусства синкретичны, наиболее синкретичны коды телевизионные, телевидение и коды кино, которые совмещают в себе коды музыки (саундтрек), литературы (диалоги), живописи (композиция и освещение), операторские коды (размер кадра, движение камеры, ракурс, композицию, монтаж) и др. Их синкретичность нашла отражение в языке: *светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии. Хачатурян – Рубенс в музыке. Шедевры поэзии сделаны по-бетховенски*. Музыка С. Прокофьева сравнивают с фреской.

Одним из самых интересных кодов является **танец**. Это культурный текст, выраженный с помощью знаков и их высших проявлений – символов, которые, прежде чем интерпретировать, нужно расшифровать. Язык танца передает не только жесты и действия, но и слова (см., например, балет «Анна Каренина»). С помощью красивых движений тела исполнитель создает художественный образ. Танец тоже синкретичен. Язык танца складывается из языка музыки, изобразительного искусства (костюмы, декорации), а также с паралингвистическими кодами (мимикой танцовщика и его телодвижениями). В движениях тела, составляющих танец, как в интонации, явлено из глубины организма идущее чувство, настолько сильное, что оно «рвется наружу»: это чувство вызывает движение и определяет его пластический рисунок, темп и ритм.

От других искусств танец отличается тем, что в танце тело танцовщика – это фактура, то, что создает текст произведения. Танец, как и театр, пантомима, цирк, – это особый вид творчества, произведение существует только при большом скоплении людей (зале), именно в конкретный момент его исполнения, а с окончанием представления перестает существовать.

Первоосновой танца является ходьба. В походке есть биологические черты (различия по полу и возрасту), индивидуальные устойчивые и окказиональные особенности (различия в степени влечения, уверенности, воинственности, тревожности, робости, нежности, покорности и т. д.). Однако основная содержательная единица танцевального кода – это *па* (франц. *pas* – букв. ‘шаг’).

Есть еще не совсем традиционное использование термина ‘код’ – это коды культуры, которые функционируют в языке. Они самые сложные потому, что «схватывают» глубинное культурное пространство: они связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Дело в том, что наше сознание неоднородно: наряду с логическими структурами в него входят так называемые пра-логические, т. е. архаические структуры, которые отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются. Все аспекты сознания находят отражение в языке, есть в нем и единицы, связанные с архаическими, архетипическими структурами сознания – **коллективными представлениями** (по Л. Леви-Брюлю), являющимися частью коллективного бессознательного. Этот термин предложен Э. Дюркгеймом, представителем французской социологической школы, а наполнен содержанием Л. Леви-Брюлем. Именно через пра-логические структуры и коллективные представления передается культурный опыт нации.

Таким образом, коды культуры универсальны как феномен, присущий человеку культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов, зафиксированных в языке.

Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его ядерными, ключевыми элементами. Под культурным пространством мы понимаем форму существования культуры в человеческом сознании.

Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры, это своего рода способ структурирования культурного знания.

Выделяют целый ряд кодов культуры:

- космогонический (*быть на седьмом небе*);
- соматический (*голова колонны, третий глаз*);
- пространственный (*рукой подать*);
- временной (на Пасху);
- предметный (*звездь программы*);
- зооморфный (*львы, орлы в геральдике*);
- природно-ландшафтный (*лес рук*);

- архитектурный (*мосты дружбы*);
- гастрономический (*мед на душу*) и др.

Именно эти коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры. По поводу количества кодов нет однозначного мнения. А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова считают, что их 4–5, В. Красных называет несколько десятков. Мы полагаем, что их значительно меньше, чем концептов, т. е. не более 20.

Проявления, удельный вес каждого кода в определенной культуре, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой. Поскольку коды универсальны, они повторяются в других культурах, но имеют иную конфигурацию и систему отношений. Например, человек в русской языковой картине мира, сравниваемый с другим, похожим по характеру, поведению, социальному статусу или другим характеристикам личности, получает следующие именованья: *одного поля ягода, гусь (кулик) да гагара – пара, два сапога пара, из одного теста сделаны, из одной плахи вытесаны, черти одной шерсти, одна шайка-лейка, одной масти, на один покррой, одним миром мазаны, того же сорта, оба хороши, один другого стоит, муж и жена – одна сатана, из одного кремня искра* и т. д. Белорусы к этому добавляют: *абое рабое; чорт не адзіныя лапці стаптаў, пакуль іх да кучы сабраў* (в значении оба одинаково плохие). Если выражения для обозначения похожих людей в русском языковом сознании предполагает похожесть и хороших либо нейтральных явлений (*из одного кремня искра*), то в белорусском используются только для обозначения плохих (здесь работает архетип двойничества как негативного явления в культуре).

Исследуя коды, важно понять механизм того, как объекты реального мира (*мост, лес, орел, мост* и под.), кроме выполняемых ими прямых номинативных функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т. е. становятся носителями дополнительной информации. Как объяснить это явление с прагматических позиций? Для чего это нужно языку и человеку? Думается, что человек испытывает онтологическую потребность в непрерывной игре с означаемыми и означающими. И объясняется это не прагматикой, а, скорее, эстетической потребностью. Это особая способность и одновременно потребность языковой личности. Культурный код изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, обуславливают поведение и деятельность. Этот код обладает культурной памятью, транслируемой вертикально от поколения к поколению и горизонтально внутри каждого поколения.

Введение понятие кода в исследование лингвокультуры проливает свет на концепцию взаимосвязи языка и культуры, в которой встречаются интересы всех наук о человеке. Язык и культура – это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека. Теперь уже доказано, что нельзя изучать ни человека, ни его культуру вне языка.